

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

В. А. ЛИСИЦКИЙ

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА

Историческая фонетика молдавского языка до сих пор остается разделом языкознания, которым, в сущности, никто серьезно не занимается. Достаточно отметить, что в двух обобщающих трудах, вышедших в последнее время, — в сборниках «Вопросы молдавского языка ...» и «Вопросы молдавского языкознания»¹ даже не упомянуты задачи, связанные с изучением звуковых процессов молдавской речи. Что же касается исследований конкретных явлений исторической фонетики, то к ним молдавысты после выхода в свет последних работ проф. М. В. Сергиевского фактически не обращались. Создается впечатление, что историческая фонетика не входит непосредственно в круг основных проблем, над которыми должны трудиться исследователи в ближайшее время.

В указанных выше теоретических сборниках неоднократно подчеркивается роль диалектологических материалов в исследовании истории молдавского языка. «Без знания отличительных черт отдельных молдавских говоров, особенностей истро-румынского, дако-румынского и македоно-румынского диалектов, — говорит, например, Б. А. Серебrennikov, — нельзя надлежащим образом наладить изучение истории молдавского языка...»². Но использовать эти материалы, оказывается, не так просто, поскольку они, как часто на это указывается, далеко не полностью собраны и обработаны, а опубликованные до сих пор труды по диалектологии «...еще не дают обобщающих выводов по говорам молдавского языка...»³. Иначе говоря, согласно распространенному мнению, молдавская диалектология еще не доставила (и неизвестно, когда доставит!) материалы, необходимые для изучения истории языка. В результате, изучение истории молдавского языка, особенно последних этапов его развития, фактически откладывается на неопределенный срок. А поскольку историческая фонетика представляет собой один из разделов истории языка, то выходит, что столь же безрадостны перспективы и у этой дисциплины. В установках, опирающихся на подобные мнения, и следует

¹ Сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», Кишинев, «Школа советикэ», 1951; сб. «Вопросы молдавского языкознания» (Доклады научных сотрудников Ин-та языкознания АН СССР и Ин-та истории, языка и лит-ры Молдав. филиала АН СССР на совместной сессии, посв. вопросам молдавского языкознания), М., Изд-во АН СССР, 1953.

² Б. А. Серебrennikov, Проблемы сравнительно-исторического изучения языков и вопросы молдавского языкознания, сб. «Вопросы молдавского языкознания», стр. 50.

³ Д. Е. Михальчи, Задачи молдавского языкознания, сб. «Вопросы молдавского языкознания», стр. 63.

искать, на наш взгляд, причины длительного застоя в изучении проблем исторической фонетики молдавского языка.

Высказывания о недостаточности диалектологических материалов в настоящее время нам представляются неправильными и устаревшими. Они все еще отражают начальный этап молдавского языкознания, наиболее полно запечатленный в трудах М. В. Сергиевского. Труды эти имели (и сохраняют в известной мере до сих пор) большое значение как первый шаг науки о молдавском языке. Но для определения широких перспектив исторической фонетики молдавского языка работы выдающегося советского романиста все же устарели ввиду ряда естественных обстоятельств и прежде всего вследствие ограниченности самих задач, стоявших на первом этапе молдавского языкознания. Так, например, в итоговом труде М. В. Сергиевского речь идет лишь о некоторых наиболее типичных особенностях молдавской фонетики (ротализм *n*, смягчение губных, аффриката *dz*, отверждение пишущих и свистящих и некоторые другие)⁴.

Ограниченность фонетического материала и бедность его сравнительно-исторических характеристик в трудах М. В. Сергиевского в значительной мере были обусловлены и тем, что в распоряжении автора имелись, в основном, лишь диалектологические работы 20-х годов (и более ранние), фактические данные которых не позволяли провести соответствующие исследования достаточно полно. Коренной переворот, произведенный в языкознании трудами И. В. Сталина, а также последние сведения по румыно-молдавской диалектологии (материалы экспедиций по Молдавской ССР и Черновицкой области, «Румынский лингвистический атлас»⁵ и др.) создали новые условия для постановки и решения основных проблем исторической фонетики молдавского языка, для подготовки обобщающих трудов и учебника по этой дисциплине. О проблемах, выдвинутых в связи с новыми условиями развития молдавистики, и будет идти речь в настоящей статье.

Основные проблемы исторической фонетики молдавского языка в данном случае закономерно вытекают из самого материала, т. е. из комплекса специфических особенностей молдавской фонетики и из общих законов, нашедших в ней отражение и объединяющих молдавский с другими (прежде всего романскими) языками. Анализ этих явлений и закономерностей неизбежно приводит исследователя к проблеме связей молдавского языка с наиболее близким ему румынским. При сопоставлении данных языков особенно четко вскрывается основное назначение сравнительно-исторического метода в языкознании — установление характерных черт одного языка при помощи анализа закономерностей, объединяющих его с другими родственными языками.

Благодаря большой близости интересующих нас языков и общности их происхождения молдаvist может во многом использовать результаты анализа соответствующих явлений в румынском языке. Известно, что историческая фонетика румынского языка уже десятки лет изучается крупными языковедами — как румынистами, так и специалистами в области сравнительного романского языкознания. Естественно, что многочисленные исследования звуковых особенностей народной латыни восточной Романии, дако-романского периода (до появления первых письменных

⁴ См. М. В. Сергиевский, Проблема происхождения и развития молдавского языка в свете данных языкознания, «Ученые записки Ин-та истории, языка и лит-ры Молдав. науч.-исслед. базы АН СССР», т. I, Кишинев, 1948, стр. 42.

⁵ «Atlasul lingvistic român», sub conducerea lui S. Pușcariu: partea I (ALR I) — de S. Pop; partea II (ALR II) — de E. Petrovici. Параллельно составлялись две части «Micul atlas lingvistic român» (ALRM I, ALRM II) — Sibiu — Leipzig, 1938—1942.

памятников) и, в значительной мере, современного румынского языка могут быть с успехом использованы при построении исторической фонетики молдавской речи.

При критическом отношении к этим материалам они послужат опорой дальнейшего изучения общих историко-фонетических проблем молдавского и румынского языков. При этом надо иметь в виду, что общие черты румыно-молдавской фонетики выступают зачастую как яркие специфические особенности, выделяющие восточные районы Рومании из всех остальных ее областей. По своему характеру такие особенности могут быть, на наш взгляд, условно разделены на две категории. Прежде всего, это конкретные процессы развития отдельных звуков, создавшие в конечном счете фонетическую систему дако-романского языка, отличную от звукового облика других романских языков. Например, латинское *ŷ* в открытом слоге дает в итальянском языке *o*, во французском *a* (или *ɔ*), в румынском *u* (лат. *gŷla* «глотка», итал. *gola* «горло», франц. *gueule* «пасть», рум. *gura* «рот»). Подобные процессы (*ŷ > o*, *ŷ > a*, *ŷ > u*), выражая специфику каждого из языков, указывают на частные расхождения, постепенно возникшие между ними. Такие переходы звуков различаются лишь по конкретному содержанию, но в принципе каждый из них (например, *ŷ > o*) вполне аналогичен другим (*ŷ > a*, *ŷ > u*).

С другой стороны, специфика может выражаться в самом характере фонетических законов, действующих одновременно в румынском и молдавском языках. Такого рода особенности, вскрываемые обобщением многих конкретных фонетических процессов, имеют первостепенное методологическое значение для исследования ряда специфических явлений молдавской фонетики. Необходимость их тщательного изучения вызывается, таким образом, самой исследовательской практикой в области молдавиистики.

Одной из наиболее ярких черт румыно-молдавского вокализма является своеобразная и весьма сложная комбинаторность изменения гласных. Если взять такой образец подобных процессов, как влияние конечной гласной на ударную, то большинство романских языков (французский, провансальский, испанский, португальский, некоторые диалекты итальянского) знает в этом отношении только сравнительно простые и немногочисленные изменения. Лишь народнолатинские ударные *o* и *e* в перечисленных языках изменяются под влиянием конечного *i*. Народнолатинское *feki* «я сделал» обнаруживается во французском в виде *fis*, прованс. *fitz*, исп. *hice*, португ. *fiz*, в то время как при спонтанном развитии *e* дает повсюду *e* (лишь во франц. *wz*). Ср. нар.-лат. *seta* «шелк» > франц. *soie*, исп., португ., прованс. *seda*, итал. *seta*. Таким же образом действует конечное *i* на ударное *o*. К тому же этот почти единственный случай действия конечной гласной на ударную отнюдь не имеет всеобщего характера (например, им. падеж мн. числа нар.-лат. *peŷi* «волосы» > ст.-франц. *poil*)⁶.

На фоне таких сравнительно однообразных закономерностей весьма сложным представляется действие конечной гласной на ударную в дако-романском языке. Характерным примером в этом отношении может служить комплекс законов и исключений, отразивших развитие в восточно-романских языках народнолатинских ударных *e* (классич. лат. *e*, *i*) и *o* (классич. лат. *ō*, *ō*) под действием конечных *a* и *e*. Наиболее простым из этих процессов является дифтонгизация *o* при указанных конечных гласных: *mola* > *moara* «мельница», *sole* > *soare* «солнце» (молд. *моарэ*, *соаре*).

⁶ См. Э. Бурсье, Основы романского языкознания [рус. перевод], М., Изд-во иностр. лит. ряз., 1952, стр. 132.

Что касается *e*, то на первом этапе в тех же условиях этот звук переходит в дифтонг *ea*: *cresta* (классич. лат. *crīsta* > *creastā*) «гребень», *lege* > *leage* «закон». Но затем в словах с конечным *e* снова наблюдается монофтонгизация (*leage* > *lege*, молд. *леже*), причем эта основная линия развития осложняется еще рядом других влияний. Например, народнолатинское *feṭa* «мать» только до появления письменных памятников звучало как *feata* (эта форма сохранилась в македоно-румынском). Но впоследствии, под влиянием предшествующего губного, происходит переход *featā* > *fatā* (молд. *фата* «девушка»). Конечное *ea* в молдавском языке и в некоторых говорах румынского переходит в *e* (*stea* > *ste*, молд. *сте* «звезда») ⁷. В молдавском языке в ряде случаев под влиянием различных предшествующих звуков этот процесс идет дальше (рум. *curea*, букв. *куре*, молд. *курэ* «ремень»). Столь сложные комбинации наблюдаются и в развитии многих других гласных румынского и молдавского языков.

Эта в общем хорошо известная черта дако-романской фонетики и представляет собой одну из широких особенностей, указывающих, как мы увидим ниже, пути изучения специфических явлений фонетики молдавского языка и его местных говоров.

Вторая особенность, создающая своеобразные трудности изучения дако-романской фонетики, состоит в том, что в связи с поздним появлением письменности исследование памятников дает сравнительно скромные материалы по истории звуков. Поэтому задачи, стоящие перед румынистом и молдавнистом, значительно сложнее, чем задачи, которые должен разрешать исследователь других романских языков. Филологический анализ письменного французского языка различных эпох позволяет не только установить последовательное развитие звуков на протяжении многих веков, но и проследить ряд сложных процессов, показывающих постепенное проникновение различных черт народно-разговорного языка в литературный ⁸. Роль известных письменных памятников северных областей Молдавии, Трансильвании и Буковины (Шкеянская и Воронежская псалтыри, Воронежский кодекс, псалтырь Хурмузак и др.) в этом отношении сравнительно невелика для румынского языка и еще менее значительна для молдавского.

Дело в том, что появление письменных памятников (XVI в.) имело место гораздо позже той эпохи, когда сформировались основные черты дако-романского языка ⁹. С другой стороны, возникнув сравнительно поздно, литературный язык вскоре воспринимает валахские нормы, в то время как языковые особенности Молдавии становятся постепенно достоянием лишь народно-разговорной речи ¹⁰. Ввиду этого многие широко распространенные местные фонетические черты (например, палатализация губных) в письменном языке выявляются крайне слабо, а иногда и совершенно не оставляют следов. Тем не менее изучение ранних письменных памятников дало уже, как известно, весьма важные сведения по исторической фонетике румынского и молдавского языков. Письменные памятники познакомили нас, в частности, с такой (исчезнувшей теперь) чертой молдавской фонетики, как ротацизм *n*. Несомненно, что и

⁷ Ср. Э. Бурсье, указ. соч., стр. 473 со ссылкой на работы Тиктина и П. Йордана.

⁸ См. М. В. Сергиевский, История французского языка, 2-е изд., М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1947, стр. 211.

⁹ О. Денсусиану считает, что эти черты определились еще в XIII в. (см. O. Densusianu, Histoire de la langue roumaine, t. I, Paris, 1901, стр. 398).

¹⁰ См. В. Ф. Шишмарев, Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 1, стр. 100.

при дальнейшем сравнительно-историческом изучении текстов молдавысты смогут найти интересные материалы по исторической фонетике.

Говоря об особенностях дако-романской фонетики, следует остановиться и на некоторых явлениях, характеризующих языковые связи румын и молдаван с другими народами. Правда, подобные явления по своему характеру не представляют собой ничего специфически дако-романского. Они хорошо известны многим другим языкам и достаточно полно описываются в трудах по общему языкознанию. Поэтому в настоящей статье мы остановимся на них лишь для того, чтобы показать одно из направлений исследовательской работы в области молдавской фонетики.

Описанные в научной литературе факты влияния различных языков на румыно-молдавскую фонетику (не всегда, впрочем, достаточно аргументированные) можно разделить на две основные категории.

Во-первых, это влияния, которые, по мнению исследователей, наложили свой отпечаток на основные фонетические законы дако-романского языка. Так, действием иллирийского языка объясняют, например, переход групп *ct*, *cs(x)* > *pt*, *ps* (нар.-лат. *lucta* «борьба», *soxa* «бедро» > рум. *lupta*, *soapsă*)¹¹, действием итальянского — аффрикатное произношение согласных в сочетаниях *se*, *ci*¹², славянским влиянием — появление звуков *ă* (*ы*), *â* (*э*)¹³ и т. п. Подобные связи между различными языками в области фонетики не часты. Все же они отчетливо вскрываются не только в фонетике дако-романского периода, но и позднее, в фонетической системе молдавского языка. Одним из проявлений такого влияния можно считать, например, широкое распространение в говорах Молдавской ССР и Буковины украинского фриккативного *g*¹⁴. Естественно, что и дальнейшее изучение этой общности молдавского и территориально близких ему языков других народов может в известной мере по-новому осветить некоторые явления в области фонетики.

Во-вторых, при анализе межязыковых связей приходится иногда иметь дело с более конкретными фонетическими особенностями, вскрываемыми часто лишь в отдельных словах. Так, например, албанским влиянием разъясняется раннее озвончение конечного *k* в ряде слов: рум. *aprig* «горячий», *vitreg* «не родной» < лат. *apricus*, *vitricus*¹⁵. При изучении фонетической структуры заимствованных слов обнаруживается приспособление (закономерное, но вскрываемое обычно на незначительном материале) отдельных звуков и сочетаний к нормам дако-романской фонетики. К таким явлениям можно отнести, например, появление *ă* вместо албанского *o*: алб. *mojë*, *mogë* > рум. *măi*, *mări* (оба соответствуют русскому «эй», «послушай») ¹⁶, *ž* вместо сербского *č* (перед *k*): сербск. *pročkati* > рум. *împroșcare* «обрызгивание»¹⁷.

Здесь также выявляется один из путей изучения истории звуков, которым не может пренебречь и исследователь молдавской фонетики. Подобные заимствования особенно важны для установления относительной

¹¹ См. О. Densușianu, указ. соч., стр. 26.

¹² См. там же, стр. 215.

¹³ См. А. Т. Борщ, Молдавская лексикография, Кишинев, Гос. изд-во Молдавии, 1949, стр. 102. Надо отметить, что это предположение требует более убедительных обоснований; многими исследователями оно вообще не разделяется.

¹⁴ См. Ф. И. Кожухарь, Лексика южных говоров молдавского языка, «Ученые записки Ин-та истории, языка и лит-ры Молдав. науч.-исслед. базы АН СССР», т. II, Кишинев, 1949, стр. 150 (на молдав. яз.). О наличии этого звука на Буковине свидетельствуют материалы диалектологических экспедиций Черновицкого университета (1950—1953 гг.).

¹⁵ См. О. Densușianu, указ. соч., стр. 350.

¹⁶ См. там же, стр. 355.

¹⁷ См. там же, стр. 368.

(а иногда и абсолютной) хронологии развития звуков. В тех же случаях, когда речь идет о словах, перенесенных из дако-романского в другие языки, соответствующий анализ может привести к установлению происхождения звуков в ту или иную эпоху.

Настоящая статья, конечно, не претендует на полноту описания особенностей дако-романской фонетики. Что же касается указанных здесь явлений, то легко увидеть, что они неоднородны по своему характеру. Их объединяет между собой лишь то обстоятельство, что каждое подобное явление оказывается общим фонетике и румынского, и молдавского языков. Отсюда их большое методологическое значение. Вскрываемые на сравнительно хорошо изученных материалах исторической фонетики румынского языка, эти особенности уже сами по себе указывают пути изучения звуковых законов молдавской речи. Таким образом, родственность и большая близость обоих романских языков выступает здесь как фактор, существенно помогающий определить основные направления научных разысканий в области исторической фонетики молдавского языка.

Но, с другой стороны, эта близость ставит иногда перед исследователем исключительно трудные задачи. Конкретные явления молдавской фонетики зачастую настолько сближаются и переплетаются со звуковыми процессами румынского языка, что сравнительно-историческое изучение в таких случаях весьма осложняется. Примером подобного сближения может служить судьба дако-романских гласных *ă* и *î* (молд. *э*, *ы*) после согласных *ș*, *ž* (молд. *ш*, *ж*). В XVII и XVIII вв. эти гласные испытали своеобразную эволюцию в различных областях дако-романского языкового массива. В Молдавии в XVII в. в результате палатализации согласных *ș* и *ž* следующие за ними *ă* и *î* переходят соответственно в *e* и *i*, в то время как в Большой Валахии (где не было еще палатализации согласных) произношение их не менялось. Палатализация (и переход *ă*, *î* > *e*, *i*) происходит в Большой Валахии лишь в XVIII в. Но в это время в Молдавии уже осуществляется известный процесс отвердения согласных, вследствие которого *e*, *i* (после *ș*, *ž*) снова переходят в *ă*, *î*. Получается весьма любопытное переплетение фонетических процессов, отмеченных в каждой из областей. В XVII в. союз *и* звучал в Молдавии как *șî*, в то время как в Большой Валахии он произносился с конечным *î*. С XVIII в. наоборот: *șî* становится характерным для валашской нормы, *șî* — для молдавской¹⁸.

В силу этой же близости мы, по крайней мере в настоящее время, не можем говорить о каких-либо более или менее общих принципах, которые отличали бы молдавскую фонетику от румынской. При переходе от дако-романских черт фонетики к специфически молдавским нам приходится иметь дело всего лишь с конкретными звуковыми процессами, в которых вскрываются расхождения между тем и другим языком. Уже первые попытки анализа этих процессов приводят нас к сложной, чисто «молдавской» проблеме. Дело в том, что в современном литературном языке количество специфически молдавских черт в области фонетики весьма незначительно. Ввиду этого, когда дело касается молдавских особенностей, исследователи обычно ссылаются на факты народно-разговорной речи, на материалы, взятые из местных говоров молдавского языка. Закономерно поэтому встает вопрос, следует ли при изучении (и преподавании) исторической фонетики молдавского языка ограничиться явлениями, стоящими в рамках литературной нормы, или необ-

¹⁸ См. A. Philippide, *Originea rominilor*, t. II, Iași, 1927, стр. 45.

ходимо значительно расширить предмет этой дисциплины, включив сюда же основные материалы диалектологии.

Вопрос этот для представителя иной лингвистической специальности может показаться неожиданным. В самом деле, в западноевропейском языкознании (отчасти также в трудах по русскому и украинскому языкам) по традиции давно уже установлено, что основным объектом изучения исторической фонетики являются звуки литературной речи. Материалы же диалектологии привлекаются главным образом для разъяснения различных отклонений от нормы, встречающихся в литературном языке¹⁹, и лишь изредка для установления относительной хронологии.

Но можем ли мы полностью перенести эту традицию в молдавское языкознание? Повидимому, нет. По признанию молдаванистов, еще нельзя считать, что нормы современного молдавского литературного языка в достаточной мере установились и освободились от некоторых искусственно привнесенных румынских элементов. Наоборот, одна из основных перспектив развития литературного языка — это творческое усвоение обширного богатства народно-разговорной речи, путь, по которому прошли все развитые литературные языки²⁰. Ввиду этого и роль народно-разговорных элементов фонетики для молдавского литературного языка значительней, чем для какого-либо другого, имеющего длительную традицию.

Кроме того, специфика большинства романских языков достаточно ярко передается явлениями, соответствующими литературной норме. Этим, может быть, отчасти и объясняются основные недостатки современной лингвистической географии и, прежде всего, недостаточность сведений, извлекаемых из диалектологических материалов историками языка²¹.

И, наконец, если относительно слабое использование диалектологических материалов при изучении исторической фонетики иных языков может быть объяснено приведенными выше и некоторыми другими обстоятельствами (наличием письменных памятников, тем, что каждая из дисциплин имеет свой обширный объект исследования), то само привлечение этих материалов в методологическом отношении не требует оправдания. Оно закономерно вытекает из марксистско-ленинского учения о единстве общего языка и территориальных диалектов. «Конечно, — указывает И. В. Сталин, — были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»²². И далее: «Следовательно, Маркс признавал необходимость **единого** национального языка, как высшей формы, которой подчинены диалекты, как низшие формы»²³. По мере развития диалектологии мысль о единстве языка и диалектов постепенно находит все более широкое применение в самых различных областях лингвистической работы. Достаточно указать, например, что в подтверждение близости румынского языка с итальянским приводятся не только факты, общие литературным языкам (произношение групп *ce, ge*, форм *noi* «мы», *voi*

¹⁹ Так, например, объясняются французские *join* «сено», *avoine* «овёс» (из нар.-лат. *feini, avena*) вместо ожидаемых **fein*, **aveine* (ср. *plein* «полный», *veine* «вена»). Исследователи указывают, что эти формы были заимствованы к началу XVI в. из Бургундии или Лотарингии, где имел место переход *ei > wa* и перед носовыми согласными. Ср. Е. В о u r c i e z, *Précis historique de phonétique française*, 3-ème éd., Paris, 1907, стр. 71.

²⁰ Ср. В. Ф. Шишмарев, указ. соч., стр. 105.

²¹ Ср. оценку роли лингвистической географии в статье проф. С. Б. Бернштейна «О некоторых вопросах лингвистического картографирования», [сб. «Славянская филология», М., Изд-во Моск. ун-та, 1951, стр. 18].

²² И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1953, стр. 13.

²³ Там же, стр. 15.

«вы», *dai* «даешь», *stai* «стойшь», *apoi* «потом» и др.), но и явления, показывающие близость румынского языка к отдельным диалектам итальянского (ротализм *l* в ломбардском, эмилианском, генуэзском диалектах, выпадение *e* перед *i* в венецианском и пьемонтском и др.).²⁴

Исключительную роль это единство играет для молдавского языка, в котором именно диалектологические материалы содержат наиболее яркие специфические особенности, выделяющие его по отношению к румынскому. Поэтому использование в процессе построения исторической фонетики молдавского языка достаточно разнообразных фактов народно-разговорной речи следует признать, по крайней мере в настоящее время, совершенно необходимым.

Существующие на этот счет взгляды вряд ли можно считать вполне ясными. Как указывалось выше, большинство фактов, приводимых исследователями (проф. М. В. Сергиевский и др.) при характеристике своеобразия молдавского языка, взято из диалектологии. Но теоретически необходимость привлечения с этой целью материалов народно-разговорной речи никем, насколько нам известно, не была обоснована. Сама по себе ценность диалектологических материалов ни у кого из молдавистов, повидимому, сомнения не вызывает. Правда, в начале статьи мы отмечали, что существует мнение о большой отсталости молдавской диалектологии и ее несоответствии «требованиям современности». Можно, однако, указать и на более оптимистические высказывания на этот счет. Так, проф. С. Б. Бернштейн, оценивая материалы «Румынского лингвистического атласа», особо подчеркивает их роль в решении основных проблем исторической фонетики. «Тщательное изучение всех этих колебаний (фонетических колебаний по диалектам и говорам. — В. Л.), — указывает он, — является основанием для установления соотносительной хронологии важнейших фонетических процессов румынского языка»²⁵.

Мы полностью присоединяемся к высказанной здесь мысли (к сожалению, не нашедшей еще воплощения в практической деятельности молдавистов), дающей четкие перспективы использования данных диалектологии в интересах истории языка. Следует лишь добавить, что материалы атласа не меньшее значение имеют и для изучения исторической фонетики молдавского языка, поскольку они достаточно широко отражают звуковые особенности говоров Бессарабии и смежных с ней областей. Кроме того, для выполнения указанной задачи, помимо «Румынского лингвистического атласа», могут быть успешно использованы также иные материалы — данные лингвистических экспедиций, работавших в Молдавской ССР и Черновицкой области УССР, труды М. В. Сергиевского, работы Г. Вейганда, Т. Папахаджи, И. Поповича и других румынистов-диалектологов. Конечно, указанные материалы нуждаются в дальнейшей обработке, проверке, уточнении и т. п. Но это — работа, которая не может быть прекращена ни на каком этапе, достигнутом диалектологией.

Поскольку сама мысль об использовании диалектных данных для построения исторической фонетики не требует особых разъяснений, мы ограничимся лишь несколькими примерами, показывающими, каким образом диалектология может быть внедрена в исследовательскую практику при современном состоянии науки. Материалы взяты нами из «Румынского лингвистического атласа», хотя для более обстоятельного исследования нужно было бы привлечь и другие источники.

²⁴ См. O. Densusianu, указ. соч., стр. 217 и сл.

²⁵ С. Б. Бернштейн, Румынский лингвистический атлас, «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР», вып. 3, М. — Л., 1948, стр. 98.

Возьмем, например, такую особенность молдавского консонантизма, как переходы f (молд. ϕ) перед гласными переднего ряда в $s(c)$, $\hat{s}(u)$ и $h'(x')$, представляющие собой одно из проявлений так называемой палатализации зубных. До сих пор молдависты занимаются главным образом выяснением районов распространения каждого из вариантов в говорах Молдавской ССР и иногда северных районов Румынии. Последние данные по этому вопросу сводятся к следующему:

1. Переход $f > s$, а также $v > z$ (молд. $v > z$) является особенностью северной части левобережной Молдавии (по Днестру), и «можно прямо утверждать, что в таком виде мы их (оба перехода.— В. Л.) не находим нигде в румынских областях, по крайней мере, по имеющимся доселе данным...»²⁶.

2. Процесс перехода $f > \hat{s}$ характерен для южной части левобережной Молдавии, хотя достаточно широко представлен и в северной²⁷.

3. Переход $f > h'$ отмечен «во многих местах Бессарабии»²⁸.

Первое из этих утверждений не соответствует действительности. По данным «Румынского лингвистического атласа» и другим источникам (Г. Вейганд, Т. Папахаджи) легко установить, что наибольшее распространение переход $f > s$ получает не в Молдавии (Советской или Румынской), а в Марамуреше. В Молдавии и Буковине он носит спорадический характер. Остальные наблюдения сами по себе верны, хотя и далеко не полны. Но в трактовке этих процессов М. В. Сергиевским и А. Т. Борщом наглядно обнаруживается, насколько мало были использованы до сих пор возможности сравнительно-исторического метода в молдавском языкознании. Переходы $f > h'$, $f > \hat{s}$ и $f > s$ в изложении этих исследователей выглядят как разрозненные явления, связь между которыми не ясна. Ни М. В. Сергиевский, ни А. Т. Борщ даже не ставят вопроса о какой-либо последовательности этих процессов. Между тем имеющиеся диалектологические материалы вполне достаточны для выяснения относительной хронологии этих переходов, что и представляет собой одну из основных задач исторической фонетики.

Возьмем, например, карту № 301 «Малого румынского лингвистического атласа» (ALRM I), на которой отражена судьба начального f в слове *fin* «тонкий» (ср. также карту № 304). Наиболее древняя (исходная) разновидность этого звука f занимает обширный район, охватывающий весь юго-запад и почти весь запад дако-романского массива²⁹: Большую и Малую Валахию, Банат, Кришану. К этой территории примыкает полоса (различной ширины) населенных пунктов, показывающих следующий вариант интересующего нас звука — h' . Наиболее значительную территорию переход $f > h'$ занимает в районе соприкосновения границ Большой Валахии, Трансильвании и румынской Молдавии. Остальные области массива — Трансильвания, Буковина, северная часть румынской Молдавии и Молдавская ССР (Бессарабия) показывают, в основном, третью разновидность — $\hat{s}$. И, наконец, в Марамуреше обнаруживается небольшой, но весьма компактный район четвертого варианта — s .

Трансформация начального звука в слове *fin* от f на юго-западе до $\hat{s}$ на северо-востоке несомненно отражает последовательные этапы в разви-

²⁶ М. В. Сергиевский, Молдавские этюды, М — Л, Изд-во АН СССР, 1936, стр. 18, ср. его же, Проблема происхождения и развития молдавского языка в свете данных языкознания, стр. 49. ср. также А. Т. Борщ, указ. соч., стр. 90 и сл.

²⁷ См. А. Т. Борщ, указ. соч., стр. 104.

²⁸ Там же, стр. 92.

²⁹ Здесь мы исключаем из этого массива территории, занимаемые истро-румынским и македоно-румынским (включая мегленский) диалектами.

тии этого звука в местных говорах румынского и молдавского языков. Процесс его изменения можно представить следующим образом. Первоначально *f* был распространен на всей территории дако-романского языка. Следы его сохранились в говорах самых различных районов (см. карту № 1). Вторым этапом развития был *h'*, который появился в свое время на всей территории, лежащей северо-восточнее района современного *f*. Доказательством того, что именно этот звук (*a*, например, не *ș*) отражает

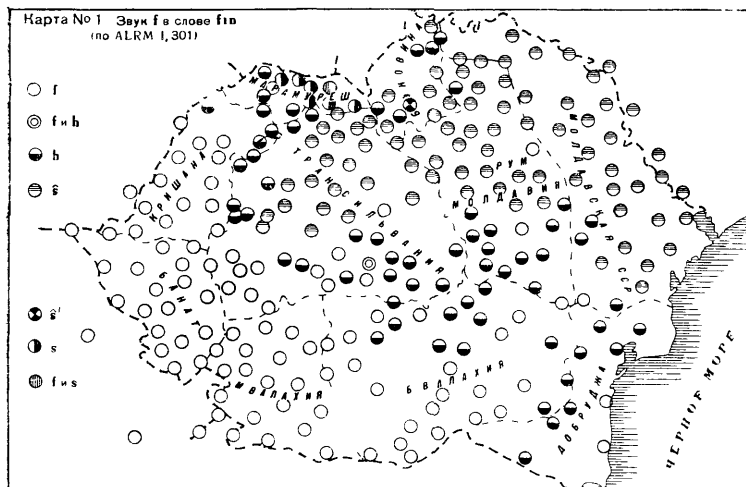

Рис. 1

второй этап, является, помимо непосредственной близости указанных районов, наличие ряда «переходных» пунктов, где отмечены оба варианта. Данная карта показывает лишь один такой пункт, но их несомненно больше (ср. карту № 80 того же атласа). Аналогичную картину мы видим и при переходе к третьему этапу (*ș*), о чем свидетельствуют уже говоры нескольких селений, в которых произносится одновременно *h'* и *ș*, причем карта отмечает в каждом случае преобладание того или другого звука. Что же касается варианта *s*, господствующего в Марамуреше, то здесь материалы атласа не дают ясной картины.

Анализируя эти материалы, можно было бы предположить, что появление *s* стоит в стороне от основной линии развития ($f > h' > \hat{s}$) и звук этот сразу же сменяет исходный *f*. Такому предположению соответствовало бы, с одной стороны, и непосредственное соприкосновение (южной границей) Марамуреша с районом *f* и наличие пункта (по ALRM I — № 848), в котором *f* и *s* сосуществуют. Вопрос, однако, решает утверждение Т. Папахиджи, что *s* в этом районе явление позднее, сменившее *h'* (старикам сохраняют еще в произношении *h'*)³⁰. Это значит, что появление *s* следует рассматривать как результат расхождения исследуемого звука на последнем этапе его развития, хотя промежуточный пункт свидетельствует, помимо возможности в отдельных случаях и непосредственного перехода $f > s$.

³⁰ Т. Папахиджи, *Graiul și folclorul Maramureșului*, București, 1925, стр. LX.

В приведенном здесь описании четко устанавливаются основные этапы, которые прошел в своем развитии звук молдавской народно-разговорной речи $\hat{s}$ (*ш*) перед гласными переднего ряда. Иначе говоря, здесь решена одна из самых типичных проблем исторической фонетики.

Выяснение основной линии развития ($f > h' < \frac{\hat{s}}{s}$), естественно, даст ключ и к сравнительно-исторической характеристике отдельных данных по молдавской диалектологии. Так, например, по материалам диалектологических экспедиций, в говорах Черновицкой области преобладает форма *ш'ербе* «кипит», хотя в западной части области (собственно Северной Буковине) нередко можно встретить и «трансильванский» вариант — *'хербе*. Формы *ф'ербе* и *с'ербе* обнаружены всего лишь в нескольких

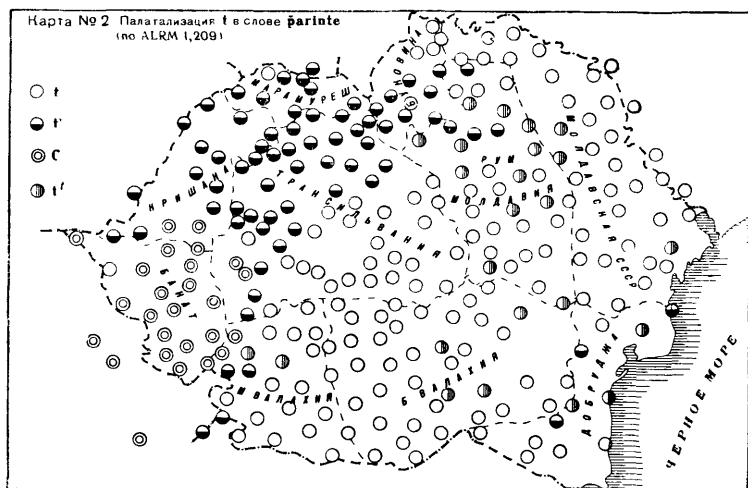

Рис. 2

селах. Эти материалы ясно показывают, что в отношении рассматриваемого явления говоры восприняли уже, в основном, норму молдавской народной речи, хотя в них все еще в значительной мере дает себя знать предыдущий этап развития этого звука (*х'ербе*). Кроме того, в типе *с'ербе* чувствуется близость района второй поздней разновидности — Марамуреша³¹.

Аналогичную, но не полностью совпадающую картину развития можно установить и для звонкого варианта этого звука — *v* (молд. *в*) перед гласной переднего ряда. Из карты № 391 «Малого румынского лингвистического атласа» (звук *v* в слове *via* «живой») следует, что исходная форма *v* распространена на юго-западе и западе массива. К этой территории примыкает полоса населенных пунктов, в которых начальный звук ука-

³¹ При оценке буковинских явлений фонетики диалектолог, конечно, должен иметь в виду и многочисленные переселения в этот район крестьян из внутренних областей Румынии. Эти переселения, сопровождавшиеся иногда появлением новых сел на Буковине, продолжались вплоть до 30-х годов XX в.

занного слова произносится как *y* (т. е. как звонкий вариант *h'*, соответствующий, примерно, украинскому фрикативному *z* со смягчением). Районы *h'* и *y*, в основном, совпадают, хотя на севере второй звук представлен слабее, чем первый. Остальную часть массива занимает $\hat{z}$ (молд. *ж*), за исключением Марамуреша, где в тех же селах, в которых обнаруживается *s* (вместо начального *f* в слове *fin*), *viu* произносится с начальным *z* (звонкий вариант *s*).

Материалы диалектологии позволяют нам объяснить, почему в известных случаях говоры молдавского языка придерживаются более древних норм, чем народная речь некоторых внутренних областей Румынии. Карта № 209 «Малого румынского лингвистического атласа» (звук *t* в слове *parinte* «родитель») отмечает распространение палатализации *t* по всему западу румыно-молдавского языкового района (Банат, Кришана, северо-восток Трансильвании, Марамуреш, Южная Буковина). Частично это явление просачивается и в румынскую Молдавию. Однако остальная часть массива и в том числе Советская Молдавия палатализации не знает (см. карту № 2). Поскольку в слове *parinte* исходным звуком мог быть только твердый *t*, указанную палатализацию следует считать явлением весьма поздним.

Нельзя, конечно, думать, что использование диалектологических материалов в построении исторической фонетики молдавского языка всегда будет таким же сравнительно простым и очевидным, как в приведенных здесь примерах. В связи с данными лингвистических атласов и описаний диалектов возникает также ряд проблем, требующих кропотливого изучения фактов и порой весьма тонких приемов исследовательской работы. Анализируя, например, судьбу ударного дифтонга *oa*, мы обнаруживаем, что в словах *oameni* «люди» и *toaşa* «бабка», «тетка» в румынской Молдавии и Молдавской ССР он почти повсеместно звучит как *ua*. Но в форме *el otoaara* «он убивает» здесь в подавляющем большинстве населенных пунктов сохраняется старая разновидность этого дифтонга — *oa*. Значительное количество сел удерживает *oa* в *soacra* «свекровь», некоторые — в *peroata* «племянница»³².

Общие тенденции развития дифтонга в данном случае ясны. Но это развитие осложняется фонетическим окружением, которое оказывается различным для разных слов. И кроме того, действие даже одних и тех же предшествующих или последующих звуков в каждом из говоров может иметь свои особенности. Здесь мы обнаруживаем указанную выше черту дако-романской фонетики — ее большую комбинаторность, осложненную действием различных процессов, характерных для отдельных говоров. Естественно, что выяснение конкретных влияний на дифтонг *oa*, оказываемых окружающими его звуками, потребует тщательного историко-фонетического анализа различных говоров молдавского языка.

Приведенные здесь материалы «Румынского лингвистического атласа» могут быть проверены и дополнены другими источниками. Примером такого дополнения является, в частности, упомянутое выше указание Т. Папахаджи на поздний характер марамурешского $h' > s$ (чего из атласа непосредственно мы узнать не могли). Судьбу того же *f* можно проследить и по трудам Г. Вейганда³³.

³² См. соответственно ALRM I, карты №№ 270, 294, 405, 369, 242.

³³ См. наблюдения над словом *fier* «железо» в его работах: «Die Dialekte der Bukovina und Bessarabiens», Leipzig, 1904; «Der Banater Dialekt», Leipzig, 1896; «Die Dialekte der Grossen Walachei», Leipzig, 1902. А также в «Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig»: «Die Dialekte der Moldau und Dobrudscha» (IX), «Die rumänischen Dialekte der Kleinen Walachei, Serbiens und Bulgariens» (VII), «Körösches und Marosch-Dialekte» (IV).

Вот другой пример той помощи, которую может оказать исследователю обращение к материалам, опубликованным ранее: всяма любопытную проблему ставит перед историком молдавского языка карта № 260 «Малого румынского лингвистического атласа» (звук *p* в слове *copil* «ребенок»). Исходная форма со звуком *p* занимает почти всю южную часть массива (Большую Валахию, Малую Валахию, Банат, юг Трансильвании). Остальная часть территории обнаруживает равномерное чередование двух вариантов указанного звука — *pt'* и *pk'* (мы не останавливаемся на редко встречающихся формах *pc*, *pt*, *t'*, *k'* и др.), причем на карте атласа пунктов с первым вариантом втрое больше (75), чем со вторым (24).

Задача историка языка, следовательно, состоит в том, чтобы определить, какая из этих форм (*pt'* или *pk'*) является более древней, если обе формы не развиваются независимо одна от другой. Легко увидеть, что по материалам атласа определить это невозможно. Поскольку в научной литературе нет прямых указаний на хронологическую последовательность отмеченных форм, естественно обратиться к диалектологическим данным, собранным раньше, чтобы определить хотя бы общую тенденцию развития.

И действительно, уже материалы Г. Вейганда дают возможность вполне удовлетворительно решить эту проблему. Если карта атласа показывает преобладание формы *pt'*, то данные Вейганда, собранные примерно на 30 лет раньше, отражают полное господство в этих районах варианта *pk'*. На территории Буковины и современной Молдавской ССР исследователь отметил 67 сел, в которых произносится *korpk'il*, и только 7 населенных пунктов с вариантом *pt'*³⁴. Еще более выразительное соотношение отмечено им в румынской Молдавии и Добрудже — в 140 пунктах произносилось *korpk'il* и лишь в 4 — *kort'il*³⁵. Следовательно, лишь сопоставление различных источников (атласа и работ Г. Вейганда) позволяет нам установить картину широкого перехода *pk' > pt'*, происходившего здесь в последние десятилетия.

Необходимость глубокого изучения собранных диалектологических материалов не предполагает, понятно, какого-либо ослабления экспедиционных исследований говоров молдавского языка. Но надо помнить, что эти исследования принесут наибольшую пользу лишь в том случае, если программы по сбору материалов будут построены на анализе уже известных нам сведений и подчинены интересам истории языка. К сожалению, этого нельзя еще сказать о программах, по которым работали последние годы экспедиции в Молдавской ССР и Черновицкой области.

Приведенные в настоящей статье примеры, конечно, не дают полного представления о том, как могут быть использованы материалы диалектологии при изучении развития звуков. Но даже при беглом знакомстве с указанными выше диалектологическими трудами видно, что материалы эти так или иначе отражают все основные процессы в области исторической фонетики молдавского языка.

³⁴ См. «Die Dialekte der Bukowina und Bessarabiens», стр. 48.

³⁵ См. «Die Dialekte der Moldau und Dobrudscha», стр. 179.